

ИСТОРИЯ

УДК 94(37).07

РИМСКИЙ ПАТРИОТИЗМ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

© 2014 г.

А.В. Махлаюк

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

amakhlayuk@gmail.com

Поступила в редакцию 03.12.2013

Анализируются характерные особенности римского патриотизма в эпоху Империи; прослеживается их обусловленность специфическими условиями мировой державы (такими как распространение римского гражданства, привлечение провинциальных элит к управлению государством, урбанизация и «романизация») и в то же время преемственность с республиканскими традициями и ценностями, а также взаимосвязь с процессами и формами культурной идентификации в правящих кругах и интеллектуальной элите римского мира. Особое внимание уделено формированию двойственной греко-римской идентичности, которая в немалой степени определяла специфику имперского патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, Древний Рим, Римская империя, культурная идентичность, греко-римский бикультурализм.

Любовь к отечеству (*amor patriae*) сами римляне всегда рассматривали как свою отличительную черту. Сущность этого римского патриотизма, основанного на гражданско-общинных связях и неразрывно связанного с главными моральными ценностями римского народа [1] (включая и чувство чести [2, с. 89]), наиболее полно и емко была сформулирована Цицероном. По словам оратора, «из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?» (De off. I. 17. 57. Пер. В.О. Горенштейна). При этом Цицерон отмечает, что у римских граждан из муниципиев имеется две родины: одна по рождению, другая по гражданству (*unam naturae, alteram civitatis*), одна по местности и другая по праву (*alteram loci patriam, alteram iuris*). Но безусловный приоритет он отдает второй: «по чувству привязанности, какое она в нас вызывает, должна стоять на первом месте та родина, благодаря которой название «государство» охватывает всю нашу гражданскую общину. За нее мы должны быть готовы умереть, ей полностью себя отдать, в нее вложить и ей как бы посвятить все свои достоинства» (De leg. II. 2. 5. Пер. В.О. Горенштейна).

Таким образом, у Цицерона обнаруживается многоплановость концепта родины, органическое слияние «малой родины», гражданской общины (*civitas*) и государства (*res publica*) в единое понятие отечества — *patria* [6, с. 24]. Это патриотизм гражданственный, государственный и ромоцентричный. В то же время уже из процитированных суждений явствует, что классический античный гражданско-общинный патриотизм в Риме изначально отличался своеобразием по сравнению с патриотизмом греческого полисного мира. Это своеобразие не сводится только к специфическому «двойному гражданству» (в муниципии и Риме) или к разграничению понятий «происхождение» (*origo*) и «гражданство» (*civitas*)², причем гражданство разной степени — собственно римское и латинское. Если говорить в самом общем виде, то важно в первую очередь подчеркнуть, что Рим изначально формировался как открытое общество, что в перспективе позволило избежать как односторонней ориентации на традиции замкнутого гражданского коллектива, так и растворения этих традиций в структуре мировой державы [8].

Понятно, что римский патриотизм с установлением принципата и формированием мировой державы претерпевает определенные трансформации, обусловленные самыми разнообразными факторами. Поскольку сутью любого патриотизма является непосредственное и сознательное отождествление индивида или

группы с той или иной политической, социальной, этнической, культурной либо религиозной общностью, исследование данных трансформаций невозможно без пристального внимания к проблемам формирования и бытования (переживания) коллективной идентичности различных социальных субъектов. Соответствующая проблематика закономерно выдвинулась в последние десятилетия в качестве одного из приоритетов исторических исследований, в том числе антиковедческих [9]. Это обусловлено политическим, социокультурным и интеллектуальным контекстом последних десятилетий XX и начала XXI в., связанным с феноменами глобализации, мультикультурализма, возникновения новых национальных государств и т.д.³ Понятие идентичности приобрело ключевое значение для выработки нового взгляда на механизмы (само)определения, характер и взаимоотношения различных социальных групп, для понимания исторического своеобразия общественных организмов, континуитета и дисконтинуитета в их развитии. Конкретные исследования ведутся в двух основных направлениях. Во-первых, изучаются факторы и механизмы конструирования социокультурных идентичностей (включая миф и историческую память), создания образа «другого», изменения материальной культуры и т.д. Понятие «идентичность» в этих аспектах стало одним из наиболее востребованных и в исследованиях по истории Римской империи⁴. При этом различается так называемая «агрегативная» идентичность, строящаяся на разделяемых в данной группе представлениях, ценностях, образе жизни, и идентичность «контрастная» (или «оппозициональная»), основанная на противопоставлении данной социальной группы другим (наиболее известные примеры – «эллыны» и «варвары», «христиане» и «язычники»).

Во-вторых, проблемы социокультурной идентичности широко исследуются на материале отдельных литературных памятников, которые позволяют говорить об особой индивидуальной идентичности авторов и о различных видах литературных дискурсов как средствах конструирования культурной, этнической, социально-групповой, гендерной и прочих идентичностей. Но в таких работах часто первичным является скорее филологический, а не собственно исторический интерес. Наиболее показательны в этом плане многочисленные исследования, посвященные месту Второй софистики и Греческого возрождения в культуре и обществе Римской империи (см., в частности: [19–28]). Работы в этом ныне весьма популярном направлении чрезвычайно важны, потому что они

напрямую пересекаются с изучением той огромной, можно сказать, конституирующей роли, какую в римском мире играли греческие города и греческое культурное наследие⁵.

Роль эту, в самом деле, трудно переоценить, ибо характерной особенностью Римской империи в период ее расцвета был греко-римский культурный синтез, своего рода «цивилизационный дуализм», проявившийся в двойной греко-римской культурной идентичности [37]. Есть весомые основания утверждать, что это была *греко-римская* империя, в которой власть была римской, а культура греческой [38]. Точнее сказать, в Римской империи сосуществовали две господствующие элитарные культуры, причем одна была более престижной именно потому, что была древнее и повлияла на формирование другой [39]. Сам процесс формирования и упрочения римской державы, с хронологической точки зрения, шел параллельно с эллинизацией Рима (прежде всего его элиты), начавшейся еще в III в. до н.э.⁶ При этом римляне не просто импортировали и адаптировали греческую культуру – они помещали себя в ее традицию. По меткому замечанию А. Момильяно, «римляне всегда судили о самих себе с оглядкой на греков» [47]. Более того, можно даже сказать, что Греция всегда находилась с Римом в двойственном отношении идентичности и инаковости [48–49]; и отношения эти далеко не всегда складывались гладко и бесконфликтно [50–51].

Особое положение греков и греческой культуры в Римской империи отнюдь не было следствием эллинофильства отдельных римских правителей или интеллектуалов. Оно может рассматриваться как принципиальная установка, жизненно необходимая для интеграции обширного, культурно и этнически разнородного пространства, которым римляне управляли *in utraque lingua*⁷. По справедливому замечанию Г. Бауэрсока, «греческий язык и мифическое и символическое наследие [Греции] служили для интеграции разнообразного мира, который был и продолжал оставаться семитским, персидским, греческим и римским одновременно» [52]. Такому отношению, безусловно, способствовала известная открытость римской культуры и в общем-то смиренное признание римлянами культурного превосходства греков⁸. Римляне считали вполне возможным говорить на одном языке и писать на другом, переводить свои тексты на греческий и даже открыто признавали перевод важным компонентом собственной идентичности [53, p. 111–112, 116–117]. Более того, римляне рассматривали себя как наследников и хранителей греческих культурных традиций и истории, и «чтобы стать римлянином...

прежде всего было необходимо понимать, говорить и мыслить по-гречески» [53, р. 116]. Примечателен в этом плане отзыв Флавия Филострата об Элиане из Пренесте: «хотя он был римлянином, владел аттическим языком так же хорошо, как те, которые живут в центре Аттики. Мне думается, этот человек заслуживает всяческой похвалы, во-первых, потому, что добился чистоты языка, живя в городе, где на нем не говорили... Этот человек уверял, что не выезжал никуда за пределы Италии, ни разу не ступал на корабль и не знаком с морем. За это его еще больше превозносили в Риме как блюстителя древних нравов (VS. II. 31; пер. С.В. Поляковой, с изменениями).

Именно в таком проблемном контексте было бы интересно обратиться к вопросу о трансформации римского патриотизма в эпоху Империи, когда в условиях полиэтнической, разноплеменной державы⁹ создается доминирующее пространство единой греко-римской культуры и в число патриотов Рима входят потомки его вчерашних противников. Основное внимание поэтому мы сосредоточим на вкладе греков в эволюцию римского патриотизма. Следует, конечно, оговорить, что речь пойдет главным образом о представителях той эллинской (эллинизированной) интеллектуальной элиты и верхушки греческих городов Империи, которая в наибольшей степени выиграла от установления римской власти и охотно с ней сотрудничала, в том числе и в идеологической сфере (хотя и допускала подчас определенную «фронду» по отношению к римлянам¹⁰). Так или иначе, по мнению, высказанное в свое время А. Джонсом, что Римская империя, по-видимому, никогда не вызывала активного патриотизма у большинства ее граждан [60], нуждается в критической проверке.

Сами греки, признавая неоспоримую роль Рима в установлении благотворного *пакта Романа*, тем не менее подчеркивали и эллинскую основу этого миропорядка, как показывают, к примеру, слова Элия Аристиды в его «Похвале Риму»: «Сегодняшняя упорядоченная жизнь началась с Афин и утвердилась в наше время: вы пришли вторыми, но оказались лучшими» (Or. XXVI. 101 Keil). Аналогичная мысль звучит и у Страбона, который, полемизируя с Эфором, утверждавшим, что беотийцы установили свое господство лишь на короткое время из-за того, что пренебрегали науками, указывает: «Эфору следовало бы добавить, что все это полезно, когда имеешь дело с греками, но сила действеннее разума в отношениях с варварами. И римляне в древности, воюя с дикими племенами, вовсе не нуждались в таких

средствах просвещения, но с того времени как стали иметь дело с более культурными народами и племенами, они обратились к такому же образованию и сделались владыками над всеми» (пер. Г.А. Стратановского). Весьма примечательно также и то, что Страбон в конце своего труда (XVII. 3. 24) называет римскую державу «нашей ойкуменой» (ἡ καθ' ἡμᾶς οἰκουμένη).

Надо сказать, что «экуменическая» идея, отождествлявшая Римскую державу и обитаемый мир, в период Империи получает признание и распространение не только у римских авторов и официальных властей, но и среди греков. Римляне обозначали свои владения и подданных как *imperium orbis terrarum, gentes, genus humanum, cunctae gentes*. Характерен в этом плане пассаж в «Риторике к Гереннию» (IV. 13): *illud imperium orbis terrarum, cui imperio omnes gentes, reges, nationes... consenserunt* («эта мировая держава, с властью которой согласились все племена, цари, народы...»). В этом же пассаже впервые в латинской литературе появляется выражение *imperium populi Romani* — «держава римского народа», которое потом будет использовано в заглавии «Деяний Божественного Августа»: *Rerum gestarum divi Augusti quibus orbem terrarum imperio populi Romano subiecit* (RgdA. 1. 1). От периода Республики понятие *imperium* как мировой державы прошло долгий путь развития (см.: [61]), но уже в период ранней Империи Рим и мир фактически отождествлялись; соответственно, в употребление входит выражение *orbis Romanus* [62]. Примечателен в этом плане тот факт, что уже в 70-е гг. I в. до н.э. на римских монетах появляется изображение земного шара, попираемого фигурой Рима [63]; и этот мотив в императорскую эпоху получает весьма широкое распространение [64]. В «Новеллах Феодосия» употребляется выражение *totius orbis terrarum imperium* и отмечается, что древние «сделали римские границы границами мира»: *mundi finibus fines imposuisse Romanos* (Nov. Theod. 7. 3). Интересно, что в IV в. н.э. выражение *dominus totius orbis [terrarum]* («владыка всего мира») стало составной частью императорской титулатуры (Amm. Marc. XXIX. 5. 46; ср. Rufin. Hist. X. 8). Этот концепт конструировался, чтобы упорядочить разнообразный человеческий опыт, и трансформировался по мере того, как сам этот опыт менялся [65]. Надо сказать, что и греческий риторический и историографический дискурсы внесли свой вклад в это осмысление [58]. Греческим соответствием *orbis terrarum* было понятие *οἰκουμένη*, которое у греков нередко используется для обозначения римских владений (ср.,

например: Diod. Sic. XL. 4; Plut. Pomp. 25. 5; Ael. Arist. Or. XXVI. 59 Keil; Dio Cass. XXXIX. 9. 3; Herod. V. 2. 2) и которое, очевидно, было заимствовано римлянами [66].

Не менее показательна в этом плане риторика официальных эпиграфических текстов, как латинских, так и греческих, а также монетных легенд. Соответствующие тексты были собраны и подробно проанализированы А. Мастино [67]. В них римские императоры предстают как правители всего земного шара, властвующие над всей сушей и морями. Ограничимся несколькими примерами. Так, в надписи из Пизы от 4 г. н.э. Август назван *custos imperii Romani totiusque orbis terrarum praeses* — «хранитель римской державы и правитель мира» (CIL XI. 1421 = ILS 140). Тиберий в греческой надписи из Миры именуется *αὐτοκράτωρ γῆς καὶ θαλάσσης, ὁ εὐεργέτης καὶ ὁ σωτὴρ τοῦ σύμπαντος κόσμου* — «владыка земли и моря, благодетель и спаситель всего мира» (IGR III. 689 = 721). Клавдий в надписи с Лесбоса провозглашается «спасителем ойкумены» — *ὁ σωτὴρ τῆς οἰκουμένης* (IG XII. 2541), а Нерон в одном из эпиграфических текстов фигурирует как «господин всего мира» — *ὁ τοῦ πάντος κόσμου κύριος* (IG VII. 2713 = ILS 8794), Веспасиан же представлен как «благодетель вселенной» — *ὁ εὐεργέτας τῆς οἰκουμένης* (IG XII 543). Траян в критской надписи назван *ὁ τῆς οἰκουμένης κτίστης* — «основатель вселенной» (IGR I. 978). Марк Аврелий и Луций Вер в надписи из Руввафы (Саудовская Аравия) впервые удостоиваются наименования *κοσμοκράτορες* (AE 1958, 234 = 1977, 834 A).

Примечательно также, что в знаменитом Гиссенском папирусе (P. Giss. 40, 1) о даровании прав римского гражданства Каракаллой сказано так: *δίδομι τοῖ[v]υv ἄλα[σιν τοῖς κατοικοῦσιν τ]ῆν οἰκουμένην π[ολι]τείαν Ρωμαίων* — «я дарую ныне римское гражданство всем жителям ойкумены»¹¹.

Можно, конечно, во всей этой фразеологии видеть не что иное, как выражение верноподданнических чувств и официального «пропагандистского» дискурса. Характерно, однако, что и в латинских, и в греческих текстах равно присутствует отождествление Римской империи и всего обитаемого мира, причем находящихся под властью римского императора. Такого рода топосы имплицитно смешивают в общую массу и римлян, и не-римлян, подразумевая, что все люди равны в общей подчиненности императору [68]. Императоры при этом предстают не только как политические властители, но и как природная сила. Так, у Валерия Максима Тиберию принадлежит «владычество над морем» — *regimen maris* (Val. Max. praef.; ср.: Hor. Carm.

IV. 5. 17–24; Pan. Lat. III (II). 9. 2). Менандр Ретор идет еще дальше, утверждая, что благодаря справедливости государя люди имеют своевременные дожди, изобилие моря, хорошие урожаи (*Περὶ ἐπιδεικτικῶν // Rhetores Graeci*, III, p. 377, 22–24 Spengel).

Отождествление Рима и мира питалось в первую очередь огромностью размеров и разнообразием населения Империи, которые прекрасно осознавались современниками. Согласно широко распространенному топосу, границами римской державы мыслились те края, где всходит и заходит солнце (ср., например: Dion. Hal. Ant. Rom. I. 3. 3; App. Rom., proem. 35). По словам Овидия (Fast. II. 683–684),

*Gentibus est aliis tellus data limite certo:
Romanae spatium est Urbis et Orbis idem*
(«Земли народов других
ограничены твердым пределом;

Риму предельная грань та же,
что миру дана»; пер. Ф.А. Петровского).

Позднеримский поэт Рутилий Намациан, обращаясь к богине Роме, выражается не менее красноречиво:

Встав из твоих же земель,
в твои же опустится земли
Сам всеобъемлющий Феб,
мчась по тебе лишь одной,
Пламень Ливийских пустынь
тебя удержать не способен,
И не помеха тебе холод арктических звезд.
Сколь простирается ввысь
животворная наша природа,
Столь же доступна земля
доблести, Рома, твоей.

Разным народам
единую ты подарила отчизну¹²,
Благо — под властью твоей
им беззаконье забыть.

Ты побежденным дала
участие в собственном праве,
То, что было — весь мир,
городом стало одним.

<...>
Каждый римский предел
тебя прославляет, богиня,

И на свободных плечах
гнет миротворный несет.

Звезды, которые мир блюдут
в вековечном движенье,

Более славную власть видеть нигде не могли.

Разве такое могли сплотить мечи ассириян?

Даже мидийская власть
дальше соседей не шла.

(*De reditu suo*. I. 57–84; пер. О.В. Смыки.)

Эта же мысль проводится и в «Похвале Риму» Элия Аристида, по словам которого (Or. XXVI. 61; 62 Keil) город Рим границами и землями своими имеет весь населенный мир и приемлет людей всей земли. Именно огромность и разнообразие этого мира, по убеждению многих античных авторов, требовали передачи власти в одни руки. Эта мысль четко выражена, например, у Страбона¹³ (VI. 4. 2) и в речи Мецената у Диона Кассия¹⁴.

Вместе с тем сама Империя римлян рассматривалась как вполне законное расширение одного полиса — Рима¹⁵, а не какого-то народа (ср.: [70]). По словам Диона Кассия, «...лишь он один является настоящим городом, а их собственные — это лишь деревни и села» (LII.19. 6; ср.: XXXVIII. 36. 2; XLI. 56. 1; LXXIV. 11. 3; LXXVIII. 26. 1). Рим рассматривался не просто как столица и как символический объединяющий центр всей державы¹⁶ и даже всей ойкумены (*caput mundi, caput orbis terrarum* [Cod. Iust. I. 17. 10]), притягивающий отовсюду человеческие, материальные и интеллектуальные ресурсы, каким он предстает в той темпоральной и пространственной картине мира, которую рисует в своей «Географии» Страбон. Он выступает и как общая родина всех римских граждан — *communis nostra patria* (Dig. 50. 1. 33; ср. 48. 22. 18). Следует поэтому согласиться с мнением К. Андо, по словам которого «the existence of the *communis patria* relied not on any genuine identity between the patriotic sentiments of its members, but on their faith in the existence of such an identity. The components of that faith were manifold, but they all began with, indeed, were predicated upon, the universality of Rome and her emperors: for these were the men who provided and participated in the symbolic representation of *Romanitas*, who wrote and featured in the *res gestae populi Romani*, and who defined and defended the *orbis Romanus*» [71]. Таким образом, римский патриотизм сохранял свой, так сказать, *романоцентрический* характер, несмотря на всю интенсивную космополитизацию самой столицы Империи¹⁷.

В сознании римлян Италия как метрополия римской власти и римского народа также занимала совершенно особое место и в период Империи. Плиний Старший (NH. III. 38) красноречиво называет ее «кормилицей и родительницей всех земель, избранной божественным провидением, чтобы еще больше прославить само небо, чтобы объединить разрозненные державы и смягчить обычаи, соединить воедино неблагозвучные и грубые языки столь многих народов с помощью уз единой речи, чтобы дать человечеству цивилизованность и стать единым отечест-

вом для всех народов на земле»¹⁸. Витрувий подчеркивал (VI. 1. 10–11), что римский народ обладает правильно расположенными в центре мира пределами, посередине пространства всего земного круга и его областей. «Так, — пишет далее Витрувий, — божественный ум поместил государство римского народа в превосходной и уравновешенной стране для того, чтобы он получил власть над земным кругом» (пер. Ф.А. Петровского). На важное геополитическое положение Италии, кстати сказать, обращает внимание и Страбон, по словам которого (VI. 4. 2), римляне, владея этой страной, превратили ее в опорный пункт для владычества над всем миром. Такое видение места Италии, подкреплявшееся ее особым статусом по сравнению с провинциями, можно считать проявлением того римско-италийского патриотизма, который сложился в конце республиканского периода и нашел свое выражение в творчестве Вергилия (ср. прежде всего его 4-ю эклогу).

Следует далее отметить, что греки нашли общую почву с римлянами в диалектике цивилизации и варварства¹⁹, представляя себя как творцов цивилизации и рассматривая римлян как агентов распространения их культуры в мире [76] (ср.: [77]). Так, по словам Страбона (II. 5. 26), «даже бедные области, прежде населенные лишь разбойниками, становятся культурными, как только получают хороших правителей. <...> Римляне, подчинив своему владычеству много племен от природы диких в силу условий местностей, потому что это были скалистые местности, лишенные гаваней, холодные или по какой-либо другой причине неудобные для обитания большой массы населения, таким образом не только заставили народы, до сих пор разобщенные, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни» (пер. Г.А. Стратановского). Вместе с тем важно подчеркнуть, что римляне, заимствовав у эллинов концепцию «просвещенности», цивилизации — *humanitas*, наполнили ее во многом новым содержанием и сделали существенной частью своей политической и культурной идентичности (см.: [78–79]). Продвижение *humanitas* среди подвластных народов рассматривалось как особая историческая миссия Рима, нацеленная на то, чтобы создать, как писал Плиний Старший (NH. III. 5. 39), единое отечество для всего мира (*una cunctarum in toto orbe patria*). Такое понимание *humanitas* позволяло политически осмыслить темпоральную и пространственную связь между Римом и *orbis terrarum*, между *res publica* и *res extensa* [4, p. 141]. Таким образом, Империя превращалась в общую родину не только для римских гражд-

дан, но и других народов (в первую очередь греков), которые готовы были разделять римские ценности (ср.: [73, p. 277 ff.]).

Доступ в правящий слой Империи определялся не по этническому, расовому, языковому, религиозному или культурному признаку, но по богатству и влиятельности на местах. Этому способствовала римская концепция гражданства, которая с самого раннего времени сильно отличалась от той, что существовала в других средиземноморских городах-государствах. Римское гражданство было прежде всего правовым статусом, который можно было распространять *ad infinitum*, что в конечном итоге и произошло в результате эдикта Каракаллы 212 г. н.э. Сам этот акт был в немалой степени обусловлен спецификой римского права [80]. Равным образом, и римская этничность была необычна для древнего Средиземноморья с точки зрения относительно небольшого (особенно по сравнению с греками) значения, которое придавалось происхождению [81]. Таким образом, важным преимуществом римлян была сама открытость их гражданского коллектива и правящей элиты, что хорошо понимал еще император Клавдий, отмечавший, что уязвимость Афинской морской державы была следствием отказа афинян допускать подвластные народы в свой гражданский коллектив и к отправлению власти, и эта исключительность основывалась на признании превосходства собственной культуры над остальными (ILS 212; Tac. Ann. XI. 24).

Подводя некоторые итоги, отметим, что в период Империи римский патриотизм обогащается рядом новых черт. Доктрина цивилизаторской миссии Рима, связанная с понятием *humanitas* и открытостью римского гражданского коллектива, признавалась греками и в известной степени подкреплялась их идеями. Возникает представление о римской державе как едином культурно-историческом пространстве и Риме как общей родине всех цивилизованных жителей Империи. Можно поэтому говорить об особом «общеимперском» патриотизме. Такие представления обуславливались тем процессом, который можно назвать «реципрокной аккультурацией» римлян и греков [82], в результате которой формировалась действительно единая греко-римская культура [83]. Вместе с тем и римская, и греческая модели, разумеется, налагались на широкий спектр локальных традиций и обществ, образуя своеобразную цивилизационную структуру, так что в каждой отдельной провинции и микроне создавалась особая культурно-историческая комбинация, своеобразные локальные варианты. Такое разнообразие местных традиций и идентичностей под-

держивалось императорской властью и служило поддержанию единства Империи [84–87]. Соответственно, сохранялись различные формы локального патриотизма на уровне городов, провинций, этнических или религиозных общностей. Но это уже другая тема. Суть же «универсалистского» римского патриотизма, сформировавшегося в эпоху Империи, хорошо отражена в известных словах императора-философа Марка Аврелия, олицетворявшего греко-римский бикультурализм: «Город и отечество мне, Антонин, — Рим, а мне, человеку, — мир» (Med. IV. 44. Пер. А.К. Гаврилова).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00088.

Примечания

1. Ср. Sen. Ep. 76. 27: «...если вдруг потребуется умереть за отчизну и купить спасение всех граждан ценой собственной жизни, разве не склонил бы я голову под меч не только безропотно, но и охотно?» (пер. С.А. Ошерова). О мотиве смерти за отечество в римской литературе подробнее см.: [3–4]. Стоит отметить, что и в период Империи идея самопожертвования, славной смерти *pro re publica* сохранялась по меньшей мере как официальная идеологическая установка, в том числе и в профессиональной армии, о чем свидетельствует ряд эпиграфических текстов, проанализированных М. Спейдлем [5].
2. Об этом соотношении специально см.: [7].
3. Общий обзор современных тенденций в этой области антиковедческих исследований см.: [10].
4. Из обширной литературы по данным проблемам см., например: [11–18].
5. В числе наиболее значимых исследований недавнего времени можно указать: [29–34]. Подробный анализ новейшей историографии по данной тематике см.: [35], а также [36], с обзором итальянской литературы.
6. О проблемах эллинизации Рима см.: [11; 40–46].
7. Надо сказать, что римляне вполне сознательно практиковали особое отношение к Греции, выделяя ее в ряду других частей своей державы. В подтверждение можно сослаться на известное заявление Цицерона в письме к брату Квинту, который готовился стать наместником провинции Азия: «Если бы судьба поручила тебе управлять африканцами или испанцами, или галлами, народами дикими и варварскими, все же тебе, по твоей человечности, надлежало бы позаботиться об их благополучии... Но когда мы поставлены над такого рода людьми, которые не только сами являются носителями человечности, но от которых она, как полагают, распространилась на других, то мы, без сомнения, должны проявлять ее по отношению к тем, от кого мы получили ее... То, чего мы достигли, мы получили благодаря наукам и искусствам, которые переданы нам в памятниках и учениях Греции. Поэтому... мы... особенно обязаны людям этого рода: по отношению к тем, на чьих учениях мы воспитались, мы стремимся обнаружить то,

чему мы у них научились» (Ad Quint. fr. I. 1. 27–28. Пер. В.О. Горенштейна). Аналогичные мысли почти 150 лет спустя высказывал и Плиний Младший, обращаясь к своему корреспонденту, отправлявшемуся в качестве императорского легата в свободные общины Греции: «...тебя посылают в провинцию Ахайю, эту настоящую, подлинную Грецию, где, как мы верим, впервые появились наука, образование и само земледелие... посылаю к людям, которые по-настоящему люди, к свободным, которые по-настоящему свободны и которые сохранили свое природное право доблестью, заслугами, дружбой и, наконец, договором, освященным религией. Чти имена богов основателей и имена богов, чти древнюю славу и ту самую старость, которая почтенна в человеке и священна в городах. Воздавай почет древности, воздавай его великим деяниям, воздавай даже мифам... Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и прислала законы... что ты вступаешь в Афины, что ты правишь Лакедемоном: отнять у них последнюю тень свободы и оставшееся имя свободы было бы зверской, варварской жестокостью» (Plin. Ep. VIII. 24. 2–4. Пер. А.И. Доватура).

8. Ср., например, мнение Цицерона об Афинах, «откуда, как считается, пришли и распространились по всей земле цивилизованность, ученость, религия, знания, право, законы» (Pro Flac. 62: unde humanitas doctrina religio fruges iura leges ortae, atque in omnes terras distributae putabantur).

9. Прекрасный обзор «многонационального» состава Римской империи можно найти в новой работе М. Боатрайта [54].

10. См. прежде всего: [55]. Об отношении греков к римскому владычеству в целом см.: [19–20; 56–58]. В известном смысле именно греческая риторика выработала средства идеологического обоснования римской имперской власти (см.: [59]).

11. В связи с этим эдиктом Каракаллы Ульпиан в «Дигестах» (1. 5. 17) использует выражение orbis Romanus.

12. fecisti patriam diversis gentibus unam. Ср. Ael. Arist. XXVI. 63 Keil: римляне сделали наименование своего народа не просто именем жителей одного города, но некой единой общности – γένους ὁμόμακτοινῶν τινος.

13. Strab. VI. 4. 2: «Трудное дело, впрочем, управлять такой обширной империей иначе, чем вверив ее попечение одному лицу как отцу» (пер. Г.А. Стратоновского).

14. Dio Cass. LII. 15. 6: «Ведь его население, столь различное и по племени, и по своему природному складу, имеет разнообразные нравы и влечения, а само государство достигло таких размеров, что лишь с превеликим трудом поддается управлению». Ср.: XLIV. 2. 4; XLVII. 39. 4–5.

15. О восприятии Рима как полиса греческими авторами см.: [69].

16. На карте мира, помещенной в Porticus Vipsaniae, Рим и Италия представлены как центр земли (Plin. NH. III. 16–17; XXXVII. 201–205; ср. Vitruv. VI. 1. 11).

17. О том, что во времена Империи Рим был исключительно космополитическим городом, свидетельствуют многочисленные высказывания античных авторов. Софист II в. н.э. Антоний Полемон назвал жителей Рима «народом вселенной» и заявлял, что без ошибки можно было бы назвать и сам Рим «выжимкой вселенной» (ἐπιτόμη τῆς οἰκουμένης). «Действительно, глядя на Рим, можно одним взором окинуть все города мира, как бы размещившиеся в нем» (Athen. I. 20 b–c). Аналогичные суждения часто высказывались в весьма критическом тоне (ср., например: Iuv. Sat. III. 12 sqq.; 59 sqq.; Plut. De fortuna Rom. 325 e; Dio Chrys. Or. LXXXII. 3; Ael. Arist. Or. XXVI. 61; Galen. XVIIIa. 347; Herod. I. 12. 1; Mart. De spect. 3. 1–2; Amm. Marc. XXVI. 61). Подробнее см.: [19, p. 363 f.; 72–74].

18. ...terra omnium terrarum alumna eadem et parens, numine deum electa quae caelum ipsum clarius faceret, sparsa congregaret imperia ritusque molliret et tot populorum discordes ferasque linguas sermonis commercio contraheret ad conloquia et humanitatem homini daret breviterque una cunctarum gentium in toto orbe patria fieret.

19. О греческой концепции «варварства» и ее трансформации у римлян см., в частности: [75].

Список литературы

1. Lear F.S. Patriotism and some related aspects of Roman character // Western Tradition from Rome to Britain, Part of The Rice Institute Pamphlet. 1942. Vol. 29. No 4. P. 257–290.
2. Lendon J.E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997. xii, 320 p.
3. Barzano A. «Libenter cupit commori qui sine dubio scit se esse moriturum»: la morte per la patria in Roma republicana // «Dulce et decorum est pro patria mori». La morte in combattimento nell'antichità / A cura di Marta Sordi. Milano, 1990. P. 157–170.
4. Moatti Cl. Occidere pro patria: quelques réflexions sur le patriotisme // Anabases. 2010. Vol. 12. P. 137–147.
5. Speidel M.A. Pro patria mori... La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale // Cahiers Glotz. 2010. Vol. 21. P. 139–154.
6. Ляпустин Б.С. Условия формирования патриотизма и космополитизма в античности // Патриотизм: история и современность: Сборник научных статей. М., 1991. С. 10–25.
7. Thomas Y. «Origine» et «commune patrie». Étude de droit public romain (89 av. J.-C.–212 ap. J.-C.). Rome: Ecole française de Rome, 1996. xvi, 222 p.
8. Кнабе Г.С. Представления римлян о пространстве и времени // Культура Древнего Рима. В 2-х томах / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. II. М., 1985. С. 121 и сл.
9. Gruen E.S. Cultural Fictions and Cultural Identity // Transactions of the American Philological Association. 1993. Vol. 123. No 3. P. 1–14.
10. Herring E. Ethnicity and Culture // A Companion to Ancient History / Ed. by A. Erscine. Malden; Oxford; Chichester, 2009. P. 123–133.

11. Gruen E.S. *Culture and National Identity in Republican Rome*. London: Duckworth, 1993.
12. *Cultural Identity in the Roman Empire* / Ed. Ray Laurence, Joanne Berry. London: Routledge, 1998.
13. *Experiencing Rome: Culture, Identity and Power in the Roman Empire* / J. Huskinson. London: Routledge, 2000.
14. *Material Culture, Mentality and Historical Identity in the Ancient World: Understanding the Celts, Greeks, Romans and Modern Europeans* / Ed. T. Minamikawa. Kyoto: Kyoto University, 2004.
15. Dench E. *Romulus' Asylum. Roman Identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian*. Oxford: OUP, 2005. xi, 441 p.
16. Perkins J. *Roman Imperial Identities in the Early Christian Era*. L.; N. Y.: Routledge, 2009. x, 209 p.
17. Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: CUP, 2008. xii, 221 p.
18. Mattingly D. *Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire*. Princeton – Oxford, 2011.
19. Swain S. *Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
20. *Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire* / Ed. S. Goldhill. Cambridge: CUP, 2001. viii, 395 p.
21. Whitmarsh T. *Greek Literature and the Roman Empire. The Politics of Imitation*. Oxford, 2001.
22. Whitmarsh T. *The Second Sophistic*. Cambridge, 2005.
23. Anderson G. *The Second Sophistic: a Cultural Phenomenon in the Roman Empire*. L. – N. Y., 1993.
24. Gleason M.W. *Making Men: Sophists and Self-presentation in Ancient Rome*. Princeton, 1995.
25. Schmitz Th. *Bildung und Macht. Zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München, 1997.
26. Korenjak M. *Publikum und Redner. Ihre Interaktion in der sophistischen Rhetorik der Kaiserzeit*. München, 2000.
27. *Paideia: The World of the Second Sophistic* / Ed. B.E. Borg. B. – N. Y., 2004.
28. *Perceptions of the Second Sophistic and Its Times / Regards sur la Seconde Sophistique et son époque* / Ed. Th. Schmidt and P. Fleury. Toronto–Buffalo–London, 2011.
29. *Greek Romans and Roman Greeks* / Ed. by Erik Nils Ostenfeld. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 287 p.
30. *Greeks on Greekness: Viewing the Greek Past Under the Roman Empire (Volume 29 of Cambridge classical journal, proceedings of the Cambridge Philological Society, supplementary volume)* / Ed. by David Konstan, Suzanne Saïd. Cambridge, 2006. 194 p.
31. *Hellenisms: Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity* / Ed. by Katerina Zacharia. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2008.
32. *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World* / Ed. by Tim Whitmarsh. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2010. xiii, 228 p.
33. *The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE* / Ed. by Thomas A. Schmitz, Nicolas Wiater. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 305 p.
34. Spawforth A.J.S. *Greece and the Augustan Cultural Revolution*. Cambridge: CUP, 2012. viii, 319 p.
35. Hoët-Van Cauwenberghe Chr. *Empire romain et hellénisme: bilan historiographique // Dialogues d'histoire ancienne*. 2011. Suppl. 5. La notion d'empire dans les mondes antiques. *Bilan historiographique*. P. 141–178.
36. Desideri P. *Ellenismo imperiale (I–II sec. d.C.) // Studia historica. Historia antiqua*. 2001. V. 19. P. 165–188.
37. Amason J.P. *The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives* / Ed. J.P. Amason and K. Raaflaub. Chichester, 2011. P. 179 ff.
38. Veyne P. *L'empire Greco-romain*. Paris: Le Seuil, 2005. P. 11.
39. Джоунс К. *Язык и империя / Пер. с англ. С.Г. Карпюка // Вестник древней истории*. 1997. № 4. С. 98.
40. Mellor R. *Graecia Capta: The Confrontation between Greek and Roman Identity // Hellenisms: Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity* / Ed. Katerina Zacharia. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2008. P. 79–125.
41. Momigliano A.D. *Alien Wisdom. The Limits of Hellenization*. Cambridge – Londo – New York: CUP, 1975. vii, 174 p.
42. Veyne P. *L'Hellénisation de Rome et la problématique des acculturations // Diogene*. 1979. V. 106. P. 3–29.
43. Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Vol. I. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1984. P. 250–272.
44. MacMullen R. *Hellenizing the Romans (2nd Century B.C.) // Historia*. 1991. Bd. 40. Hft. 4. P. 419–438.
45. Штаерман Е.М. *Эллинизм в Риме // Вестник древней истории*. 1994. № 3. С. 179–211.
46. Штаерман Е.М. *Эллинизм в Риме // Эллинизм: Восток и Запад / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1992. С. 140–176.*
47. Momigliano A.D. *The Classical Foundations of Modern Historiography* / Ed. A.M. Meyer. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1991. P. 107.
48. Valette-Cagnac E. *Introduction. Utraque lingua. Critique de la notion de bilinguisme // Façons de parler grec à Rome / Éd. Fl. Dupont, E. Valette-Cagnac. Paris, 2005. P. 14–15.*
49. Dupont Fl. *L'altérité incluse. L'identité romaine dans sa relation avec la Grèce // Façons de parler grec à Rome / Éd. Fl. Dupont, E. Valette-Cagnac. Paris, 2005. P. 255–282.*
50. Alcock S. *Greece: a Landscape of Resistance? // Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse, and Discrepant Experience in the Roman Empire* / Ed. D.J. Mattingly. Portsmouth. 1997. P. 103–116.
51. Hidalgo de la Vega M.J. *Identidad griega y poder romano en el Alto Imperio: Frontera en los espacios culturales e ideológicos // Fronteras e Identidad en el Mundo Griego Antiguo / Ed. P. López Barja, S. Reboreda. Santiago de Compostela, 2001. P. 139–156.*

52. Bowersock G.W. A Post-imperial Perspective on the Roman Empire // *Вестник древней истории*. 1997. № 4. P. 87.
53. Moatti Cl. Translation, Migration, and Communication in the Roman Empire // *Classical Antiquity*. 2006. Vol. 25. No 1. P. 109–140.
54. Boatwright M.T. *Peoples of the Roman World*. Cambridge: CUP, 2012. xvii. 241 p.
55. Madsen J.M. Intellectual Resistance to Roman Hegemony and its Representativity // *Rome and Black Sea Region: Domination, Romanisation, Resistance* / Ed. by Tonnes Bekker-Nielsen. Aarhus, 2006. P. 63–83.
56. Syme R. The Greeks under Roman Rule // *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*. Third Series. 1957–1960. Vol. 72. P. 3–20.
57. Jones A.H.M. The Greeks under the Roman Empire // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 1–19.
58. Bowie E. *Quid Roma Athenis?* How far did imperial Greek sophists or philosophers debate the legitimacy of Roman power? // *Ordine e Sovversione nel Mondo Greco e Romano: Atti del Convegno Internazionale, Cividale del Friuli, 25–27 Settembre 2008* / Ed. U. Gianpaolo. Pisa, 2009. P. 223–240.
59. Pernot L. La Rhétorique de l'Empire ou comment la rhétorique grecque a invité l'Empire romain // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. 1998. Vol. 16. № 2. P. 131–148.
60. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. 3 vols. Vol. II. Oxford: Basil Blackwell, 1964. P. 1062.
61. Richardson J. *The Language of Empire. Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second Century AD*. New York – Cambridge: CUP, 2008. ix. 220 p.
62. Vogt J. *Orbis Romanus. Ein Beitrag zum Sprachgebrauch und zur Vorstellungswelt des römischen Imperialismus* // *Idem. Orbis*. Freiburg; Basel – Wien, 1960. S. 151–171.
63. Nicolet C. Space, Geography, and Politics in the early Roman Empire. *Ann Arbor*: University of Michigan Press, 1991. P. 35 ff.
64. Arnaud P.L. *l'image du globe dans le monde romain* // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 1984. T. 96. № 1. P. 53–116.
65. Barrett J.B. Romanization: a critical comment // *Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse, and Discrepant Experiences in the Roman Empire* / Ed. D.J. Mattingly. Portsmouth, 1997. P. 51–64.
66. Cortés Copete J.M. *Ecúmene, imperio y sofística* // *Studia historica. Historia Antigua*. 2008. Vol. 26. P. 131–148.
67. Mastino A. *Orbis, κόσμος, οἰκουμένη: aspetti spaziali dell'idea di impero universale da Augusto a Teodosio* // *Popoli e spazio romano tra diritto e profezia*. Napoli, 1986. P. 63–162.
68. Miles G.B. Roman and Modern Imperialism: A Reassessment // *Comparative Studies in Society and History*. 1990. Vol. 32. No. 4. P. 636–637.
69. Ando C. Was Rome a Polis? // *Classical Antiquity*. 1999. V. 18. No. 1. P. 5–34.
70. Walbank F.W. Nationality as a Factor in Roman History // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1972. Vol. 76. P. 168.
71. Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 19.
72. Edwards C., Woolf G. *Cosmopolis: Rome as World City* // *Rome the Cosmopolis* / Ed. C. Edwards and G. Woolf. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1–20.
73. Clarke K. *Between Geography and History. Hellenistic Constructions of the Roman World*. Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 210, 216 ff.
74. Unruh F. *Das Bild des Imperium Romanum im Spiegel der Literatur an der Wende vom 2. zum 3. Jh. n. Chr.* Diss. Tübingen, 1989. S. 97 ff.
75. Rochette B. Grecs, Romains et Barbares. A la recherche de l'identité ethnique et linguistique des Grecs et des Romains // *Revue belge de philologie et d'histoire. Antiquité*. 1997. T. 75. Fasc. 1. P. 37–57.
76. Morley N. *Roman Empire: Roots of Imperialism*. L. – N. Y.: Pluto Press, 2010. P. 122.
77. Hidalgo de la Vega M.J. *Roma protectora del helenismo. El poder de la identidad* // *La construcción ideológica de la ciudadanía: identidades culturales y sociedad en el mundo griego antiguo* / Coord. por Domingo Plácido Suárez. Madrid, 2006. P. 423–448.
78. Woolf G. *Becoming Roman, staying Greek: culture, identity and the civilizing process in the Roman East* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1994. Vol. 40. P. 116–143.
79. Woolf G. *Becoming Roman: the origins of provincial civilization in Gaul*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 55–57.
80. Ando C. *Law, Language, and Empire in the Roman Tradition*. Philadelphia, 2011. P. 19–36.
81. Woolf G. *Inventing Empire in Ancient Rome* // *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / Ed. S.A. Alcock, et al. Cambridge, 2001. P. 48–76.
82. Migliario E. *Cultura politica e scuole di retorica a Roma in età augustea* // *Retorica ed educazione dell'élites nell'antica Roma: Atti della VI Giornata ghisleriana di filologia classica*, Pavia, 4–5 aprile 2006, Collegio Ghislieri / Ed. F. Gasti ed E. Romano. Coma, 2008. P. 86–87.
83. Desideri P. *Roma e la Grecia: una cultura per due popoli* // *Studi Ellenistici*. 2003. Vol. 15. P. 229–243.
84. Hingley R. *Cultural diversity and unity: Empire and Rome* // *Material Culture and Social Identities in the Ancient World* / Ed. by Shelley Hales, Tamar Hodos. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 54–75.
85. Sommer M. *Imperiale Macht und locale Identität: Universalhistorische Variationen zu einem regionalhistorischen Thema* // *Lokale Identität im Römischen Nahen Osten: Kontexte und Perspektiven* / Hrsg. M. Blömer, E. Winter. Stuttgart, 2009. S. 235–248.
86. Guarinello N.L. *Império Romano e identidade Grega* // *Política e Identidades no Mundo Antigo* / Ed. P.P. A. Funari y M. Aparecida de Oliveira Silva. São Paulo, 2009. P. 147–161.
87. Ando C. *Imperial identities* // *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World* / Ed. by Tim Whitmarsh. Cambridge – New York, 2010. P. 17–45.

ROMAN PATRIOTISM AND CULTURAL IDENTITY UNDER THE EMPIRE

A.V. Makhlayuk

The article examines some characteristic features of the Roman patriotism under the Empire, tracing their dependence on the specific conditions of a world power (such as the spread of Roman citizenship, involvement of provincial elites in state administration, urbanization and Romanization); at the same time, the author deals with the continuity of republican traditions and values, as well as interrelations of Roman patriotism with the processes and forms of cultural identification among ruling classes and intellectual elites of the Roman world. Particular attention is paid to the emergence of dual Graeco-Roman identity, which largely determined the particularity of the Roman imperial patriotism.

Keywords: patriotism, Ancient Rome, Roman empire, cultural identity, Graeco-Roman biculturalism.

References

1. Lear F.S. Patriotism and some related aspects of Roman character // *Western Tradition from Rome to Britain*, Part of The Rice Institute Pamphlet. 1942. V. 29. № 4. P. 257–290.
2. Lendon J.E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxford: Clarendon Press, 1997. XII, 320 p.
3. Barzano A. «*Libenter cupit commori qui sine dubio scit se esse moriturum*»: la morte per la patria in Roma repubblicana // «*Dulce et decorum est pro patria mori*». La morte in combattimento nell'antichità / A cura di Marta Sordi. Milano, 1990. P. 157–170.
4. Moatti Cl. *Occidere pro patria: quelques réflexions sur le patriotisme* // *Anabases*. 2010. V. 12. P. 137–147.
5. Speidel M.A. *Pro patria mori...* La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale // *Cahiers Glotz*. 2010. Vol. 21. P. 139–154.
6. Ljapustin B.S. *Usloviya formirovanija patriotizma i kosmopolitizma v antichnosti* // *Patriotizm: istorija i sovremennost'*: Sbornik nauchnyh statej. M., 1991. S. 10–25.
7. Thomas Y. «Origine» et «commune patrie». Étude de droit public romain (89 av. J.-C.–212 ap. J.-C.). Rome: Ecole française de Rome, 1996. xvi, 222 p.
8. Knabe G.S. *Predstavlenija rimljan o prostranstve i vremeni* // *Kul'tura Drevnego Rima. V 2-h tomah* / Otv. red. E.S. Golubcova. T. II. M., 1985. S. 121 i sl.
9. Gruen E.S. *Cultural Fictions and Cultural Identity* // *Transactions of the American Philological Association*. 1993. V. 123. № 3. P. 1–14.
10. Herring E. *Ethnicity and Culture* // *A Companion to Ancient History* / Ed. by A. Erscine. Malden; Oxford; Chichester, 2009. P. 123–133.
11. Gruen E.S. *Culture and National Identity in Republican Rome*, London: Duckworth, 1993.
12. *Cultural Identity in the Roman Empire* / Ed. Ray Laurence, Joanne Berry. London: Routledge, 1998.
13. *Experiencing Rome: Culture, Identity and Power in the Roman Empire* / J. Huskinson. London: Routledge, 2000.
14. *Material Culture, Mentality and Historical Identity in the Ancient World: Understanding the Celts, Greeks, Romans and Modern Europeans* / Ed. T. Minamikawa. Kyoto: Kyoto University, 2004.
15. Dench E. *Romulus' Asylum. Roman Identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian*. Oxford: OUP, 2005. XI, 441 p.
16. Perkins J. *Roman Imperial Identities in the Early Christian Era*. L.; N. Y.: Routledge, 2009. x, 209 p.
17. Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: CUP, 2008. XII. 221.
18. Mattingly D. *Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire*. Princeton – Oxford, 2011.
19. Swain S. *Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
20. *Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire* / Ed. S. Goldhill. Cambridge: CUP, 2001. VIII, 395 p.
21. Whitmarsh T. *Greek Literature and the Roman Empire. The Politics of Imitation*. Oxford, 2001.
22. Whitmarsh T. *The Second Sophistic*. Cambridge, 2005.
23. Anderson G. *The Second Sophistic: a Cultural Phenomenon in the Roman Empire*. L. – N. Y., 1993.
24. Gleason M.W. *Making Men: Sophists and Self-presentation in Ancient Rome*. Princeton, 1995.
25. Schmitz Th. *Bildung und Macht. Zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München, 1997.
26. Korenjak M. *Publikum und Redner. Ihre Interaktion in der sophistischen Rhetorik der Kaiserzeit*. München, 2000.
27. *Paideia: The World of the Second Sophistic* / Ed. B.E. Borg. B.; N. Y., 2004.
28. *Perceptions of the Second Sophistic and Its Times / Regards sur la Seconde Sophistique et son époque* / Ed. Th. Schmidt and P. Fleury. Toronto; Buffalo; London, 2011.
29. *Greek Romans and Roman Greeks* / Ed. by Erik Nils Ostfeld. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 287 p.
30. *Greeks on Greekness: Viewing the Greek Past Under the Roman Empire* Volume 29 of Cambridge classical journal, proceedings of the Cambridge Philological Society, supplementary volume / Ed. by David Konstan, Suzanne Saïd. Cambridge, 2006. 194 p.
31. *Hellenisms: Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity* / Ed. by Katerina Zacharia. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2008.
32. *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World* /

Ed. by Tim Whitmarsh. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. xiii, 228 p.

33. *The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE* / Ed. by Thomas A. Schmitz, Nicolas Wiater. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 305 p.

34. Spawforth A.J.S. *Greece and the Augustan Cultural Revolution*. Cambridge: CUP, 2012. viii, 319 p.

35. Hoët-Van Cauwenberghe Chr. *Empire romain et hellénisme: bilan historiographique // Dialogues d'histoire ancienne*. 2011. Suppl. 5. La notion d'empire dans les mondes antiques. Bilan historiographique. P. 141–178.

36. Desideri P. *Ellenismo imperiale (I–II sec. d.C.) // Studia historica. Historia antiqua*. 2001. V. 19. P. 165–188.

37. Arnason J.P. *The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives* / Ed. J.P. Arnason and K. Raaflaub. Chichester, 2011. P. 179 ff.

38. Veyne P. *L'empire Greco-romain*. Paris: Le Seuil, 2005. P. 11.

39. Dzshouns K. *Jazyk i imperija / Per. s angl. S.G. Karpjuka // Vestnik drevnej istorii*. 1997. № 4. S. 98.

40. Mellor R. *Graecia Capta: The Confrontation between Greek and Roman Identity // Hellenisms: Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity* / Ed. Katerina Zacharia. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2008. P. 79–125.

41. Momigliano A.D. *Alien Wisdom. The Limits of Hellenization*. Cambridge; Londo; New York: CUP, 1975. VII. 174 p.

42. Veyne P. *L'Hellénisation de Rome et la problématique des acculturations // Diògene*. 1979. V. 106. P. 3–29.

43. Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Vol. I. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984. P. 250–272.

44. MacMullen R. *Hellenizing the Romans (2nd Century B.C.) // Historia*. 1991. Bd. 40. Hft. 4. P. 419–438.

45. Shtaerman E.M. *Jellinizm v Rime // Vestnik drevnej istorii*. 1994. № 3. S. 179–211.

46. Shtaerman E.M. *Jellinizm v Rime // Jelli-nizm: Vostok i Zapad / Otv. red. E.S. Golubcova. M., 1992. S. 140–176.*

47. Momigliano A.D. *The Classical Foundations of Modern Historiography* / Ed. A.M. Meyer. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. P. 107.

48. Valette-Cagnac E. *Introduction. Utraque lingua. Critique de la notion de bilinguisme // Façons de parler grec à Rome / Éd. Fl. Dupont, E. Valette-Cagnac. Paris, 2005. P. 14–15.*

49. Dupont Fl. *L'altérité incluse. L'identité romaine dans sa relation avec la Grèce // Façons de parler grec à Rome / Éd. Fl. Dupont, E. Valette-Cagnac. Paris, 2005. P. 255–282.*

50. Alcock S. *Greece: a Landscape of Resistance? // Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse, and Discrepant Experience in the Roman Empire* / Ed. D.J. Mattingly. Portsmouth, R.I., 1997. P. 103–116.

51. Hidalgo de la Vega M.J. *Identidad griega y poder romano en el Alto Imperio: Frontera en los espacios culturales e ideológicos // Fronteras e Identidad en el Mun-*

do Griego Antiguo / Ed. P. López Barja, S. Reboveda. Santiago de Compostela, 2001. P. 139–156.

52. Bowersock G.W. *A Post-imperial Perspective on the Roman Empire // Вестник древней истории*. 1997. № 4. P. 87.

53. Moatti Cl. *Translation, Migration, and Communication in the Roman Empire // Classical Antiquity*. 2006. V. 25. № 1. P. 109–140.

54. Boatwright M.T. *Peoples of the Roman World*. Cambridge: CUP, 2012. XVII. 241 p.

55. Madsen J.M. *Intellectual Resistance to Roman Hegemony and its Representativity // Rome and Black Sea Region: Domination, Romanisation, Resistance* / Ed. by Tonnes Bekker-Nielsen. Aarhus, 2006. P. 63–83.

56. Syme R. *The Greeks under Roman Rule // Proceedings of the Massachusetts Historical Society. Third Series*. 1957–1960. V. 72. P. 3–20.

57. Jones A.H.M. *The Greeks under the Roman Empire // Dumbarton Oaks Papers*. 1963. Vol. 17. P. 1–19.

58. Bowie E. *Quid Roma Athenis? How far did imperial Greek sophists or philosophers debate the legitimacy of Roman power? // Ordine e Sovversione nel Mondo Greco e Romano: Atti del Convegno Internazionale, Cividale del Friuli, 25–27 Settembre 2008* / Ed. U. Gianpaolo. Pisa, 2009. P. 223–240.

59. Pernot L. *La Rhétorique de l'Empire ou comment la rhétorique grecque a invité l'Empire romain // Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. 1998. V. 16. № 2. P. 131–148.

60. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. 3 vols. Vol. II. Oxford: Basil Blackwell, 1964. P. 1062.

61. Richardson J. *The Language of Empire. Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second Century AD*. New York; Cambridge: CUP, 2008. IX. 220 p.

62. Vogt J. *Orbis Romanus. Ein Beitrag zum Sprachgebrauch und zur Vorstellungswelt des römischen Imperialismus // Idem. Orbis*. Freiburg; Basel; Wien, 1960. S. 151–171.

63. Nicolet C. *Space, Geography, and Politics in the early Roman Empire*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. P. 35 ff.

64. Arnaud P.L. *L'image du globe dans le monde romain // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. 1984. T. 96. № 1. P. 53–116.

65. Barrett J.B. *Romanization: a critical comment // Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse, and Discrepant Experiences in the Roman Empire* / Ed. D.J. Mattingly. Portsmouth, 1997. P. 51–64.

66. Cortés Copete J.M. *Ecúmene, imperio y sofística // Studia historica. Historia Antigua*. 2008. V. 26. P. 131–148.

67. Mastino A. *Orbis, κόσμος, οἰκουμένη: aspetti spaziali dell'idea di impero universale da Augusto a Teodosio // Popoli e spazio romano tra diritto e profezia*. Napoli, 1986. P. 63–162.

68. Miles G.B. *Roman and Modern Imperialism: A Reassessment // Comparative Studies in Society and History*. 1990. V. 32. No. 4. P. 636–637.

69. Ando C. *Was Rome a Polis? // Classical Antiquity*. 1999. V. 18. № 1. P. 5–34.

70. Walbank F.W. Nationality as a Factor in Roman History // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1972. V. 76. P. 168.
71. Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 19.
72. Edwards C., Woolf G. Cosmopolis: Rome as World City // *Rome the Cosmopolis* / Ed. C. Edwards and G. Woolf. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1–20.
73. Clarke K. Between Geography and History. Hellenistic Constructions of the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 210, 216 ff.
74. Unruh F. Das Bild des Imperium Romanum im Spiegel der Literatur an der Wende vom 2. zum 3. Jh. n. Chr. Diss. Tübingen, 1989. S. 97 ff.
75. Rochette B. Grecs, Romains et Barbares. A la recherche de l'identité ethnique et linguistique des Grecs et des Romains // *Revue belge de philologie et d'histoire. Antiquité*. 1997. T. 75. Fasc. 1. P. 37–57.
76. Morley N. Roman Empire: Roots of Imperialism. L.; N. Y.: Pluto Press, 2010. P. 122.
77. Hidalgo de la Vega M.J. Roma protectora del helenismo. El poder de la identidad // *La construcción ideológica de la ciudadanía: identidades culturales y sociedad en el mundo griego antiguo* / Coord. por Domingo Plácido Suárez. Madrid, 2006. P. 423–448.
78. Woolf G. Becoming Roman, staying Greek: culture, identity and the civilizing process in the Roman East // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1994. Vol. 40. P. 116–143.
79. Woolf G. Becoming Roman: the origins of provincial civilization in Gaul. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 55–57.
80. Ando C. Law, Language, and Empire in the Roman Tradition. Philadelphia, 2011. P. 19–36.
81. Woolf G. Inventing Empire in Ancient Rome // *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / Ed. S.A. Alcock, et al. Cambridge, 2001. P. 48–76.
82. Migliario E. Cultura politica e scuole di retorica a Roma in età augustea // *Retorica ed educazione dell'élites nell' antica Roma: Atti della VI Giornata ghisleriana di filologia classica*, Pavia, 4–5 aprile 2006, Collegio Ghislieri / Ed. F. Gasti ed E. Romano. Coma, 2008. P. 86–87.
83. Desideri P. Roma e la Grecia: una cultura per due popoli // *Studi Ellenistici*. 2003. Vol. 15. P. 229–243.
84. Hingley R. Cultural diversity and unity: Empire and Rome // *Material Culture and Social Identities in the Ancient World* / Ed. by Shelley Hales, Tamar Hodos. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 54–75.
85. Sommer M. Imperiale Macht und locale Identität: Universalhistorische Variationen zu einem regionalhistorischen Thema // *Lokale Identität im Römischen Nahen Osten: Kontexte und Perspektiven* / Hrsg. M. Blömer, E. Winter. Stuttgart, 2009. S. 235–248.
86. Guarinello N.L. Império Romano e identidade Grega // *Política e Identidades no Mundo Antigo* / Ed. P.P. A. Funari y M. Aparecida de Oliveira Silva. São Paulo, 2009. P. 147–161.
87. Ando C. Imperial identities // *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World* / Ed. by Tim Whitmarsh. Cambridge; New York 2010. P. 17–45.